

Виктор Пронин

С Новым Годом, дорогой друг!

*Часть сборника
Выигрывать надо уметь
(сборник)*

Виктор Алексеевич Пронин

С Новым Годом, дорогой друг!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179583

Виктор Пронин. *Выигрывать нужно уметь*: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-17759-0

Аннотация

«Как всегда, я подзатянул с отправлением поздравительных открыток, дождался конца декабря. Теперь наверняка они придут после Нового года. Но я оправдывал себя тем, что мои друзья получают поздравления не в общем хоре, не в толпе, а после, когда уже и не ждешь. К тому же мои поздравления будут наряднее, праздничнее многих других – мне повезло достать открытки необычные, можно сказать, потрясающие. Вместо Деда Мороза на них был изображен старик с золотой рыбкой в обрамлении позолоченной, причудливо сверкающей морской пены. От рыбки исходило сияние, которое играло и посверкивало при малейшем наклоне открытки. Здесь был намек на то, что в новом году тебя ждет золотая рыбка удачи, и дай тебе бог сноровки успеть вымолвить ей свои пожелания, пока не передумала она и не уплыла в синее море...»

Виктор Пронин

С Новым Годом, дорогой друг!

Как всегда, я подзатынул с отправлением поздравительных открыток, дождался конца декабря. Теперь наверняка они придут после Нового года. Но я оправдывал себя тем, что мои друзья получают поздравления не в общем хоре, не в толпе, а после, когда уже и не ждешь. К тому же мои поздравления будут наряднее, праздничнее многих других – мне повезло достать открытки необычные, можно сказать, потрясающие. Вместо Деда Мороза на них был изображен старик с золотой рыбкой в обрамлении позолоченной, причудливо сверкающей морской пены. От рыбки исходило сияние, которое играло и посверкивало при малейшем наклоне открытки. Здесь был намек на то, что в новом году тебя ждет золотая рыбка удачи, и дай тебе бог сноровки успеть вымолвить ей свои пожелания, пока не передумала она и не уплыла в синее море.

День, как это обычно и бывает в конце года, оказался хлопотным, нервным, суетным каким-то. Скопились мелкие дела, отложенные телефонные звонки, невыполненные обещания. В соседних редакциях уже начали отмечать личные успехи, творческие победы, годовые премии. Как-то само со-

бой получилось, что зачастили дни рождения, юбилеи, даты. И все торопились покончить с этим в старом году, чтобы в новый вступить без того досадного чувства, которое возникает при воспоминании о собственных слабостях, запущенных делах, утаенных праздниках.

Домой я выбрался уже поздним вечером, печально и раздумчиво брел от электрички по заснеженным улицам, дышал заснеженным воздухом и с каждым вздохом выталкивал из себя дневные заботы, раздраженность, бумажную и табачную пыль, алкогольные пары, оставшиеся еще с обеда, когда машинистка Ирочка уж в который раз отметила свое совершеннолетие. Позади осталась молчаливая, припорошенная снегом очередь, ожидающая автобуса, и было приятно сознавать свою неподвластность этому смиренному ожиданию. Я шел по единственной оставшейся с недавних еще времен улице из темных изб, когда весь наш городок состоял из бревенчатых, узорчатых и оказавшихся такими беззащитными избушек. Окна в них светились розовым светом, там жили люди, которые не торопились выбрасывать абажуры с кистями, настольные лампы с зелеными колпаками, не торопились отказываться от прежних обычаев – в домах стояли настоящие зеленые елки из окрестных лесов, на них горели разноцветные лампочки, радужные шары, а сугробы у окон тихо мерцали праздничными отблесками от этих лампочек.

Всегда почему-то получается так, что праздники заставляют нас вспомнить старых друзей, а грусть, которая сопро-

возждает самое бесшабашное веселье, идет, наверно, оттого, что в такие дни в нас что-то пробуждается от прежней, ушедшей уже жизни. И мы покупаем горы разных открыток, хотя, казалось бы, чего проще – купить двадцать-тридцать одинаковых, да и разослать по городам и весям. Стараемся и слова подобрать разные, чтобы даже в величине и цвете букв, в том, как расположены они на открытке, чувствовалась радость заочной встречи, искренность безудержных желаний, наше крепкое рукопожатие, горячие поцелуи. Всех щедрот мира желаем полузабытым друзьям, всех благ и радостей и этим вроде бы доказываем, что нет для нас прежних размолвок и недоразумений, прежних ссор и обид, что ныне мы не имеем ничего общего с теми мелочными спорщиками, которыми были когда-то. И кто знает, доказываем ли мы это своим друзьям, самим себе или тем невидимым, но явно ощущаемым высшим силам, которые все видят, понимают и со снисходительной улыбкой наблюдают за нашим невинным лукавством.

Казалось бы, годы прошли, десятилетия, а мы продолжаем поздравлять людей, которых помним молодыми, не задумываясь даже о том, как они выглядят ныне, помнят ли нас, осталось ли в них хоть что-нибудь от прежних времен. Но мы пишем, шлем, напоминаем о себе, и, наверно, стоит за этим желание утвердиться в глазах тех, с кем выходили когда-то на дорогу жизни.

Это вот позднее неспешное возвращение притихшей за-

снеженной улицей еще жило во мне, когда я сел к столу, чтобы написать десяток, хотя бы десяток открыток и поздравить давних друзей, которые, конечно же, начали уже забывать меня, которых и я уже начал забывать. Полюбовавшись стариком, золотой рыбкой, сиянием вокруг нее, я положил открытку на стол, провел по ней ладонью и в самой ее гладкости, белизне почувствовал ожидание праздника – она готова была передать мои самые добрые пожелания. Хотелось найти слова новые, послать пожелания необычные, даже в обращение вложить жажду встречи, уверенность в том, что прошедшим годам не дано вбить клин между старыми друзьями. И пусть мы живем вдали друг от друга, стареем, пусть мы так же далеки от достижения своих целей, как и двадцать лет назад...

«С Новым годом, дорогой друг!» – написал я широко и размашисто, чтобы даже в моих неровных буквах ощущалась искренняя радость от подвернувшейся возможности поздравить давнего товарища с праздником.

И едва я написал его имя, передо мной возникло лицо с высокими залысинами, крепкими желтыми зубами, прищуренными голубыми глазками, возник он сам – высокий, плотный, шагающий по нашей улице, поглядывающий вокруг доброжелательно и пытливо, готовый увидеть нечто доброе в людях и похвалить их за это. Я увидел его, окруженного друзьями, которые были и пониже его ростом, и помоложе, и как-то незначительнее, мельче, суетливее...

Отложив ручку, отодвинув подальше нагревшуюся настольную лампу, я перевернул открытку и опять принялся рассматривать золотую рыбку и старика, который на этот раз показался мне не столько обрадованным, сколько подавленным свалившимся на него счастьем. Похоже, большие возможности угнетают не меньше, нежели полное их отсутствие. И чем дольше я всматривался в босоногого старика, в бушующие волны, в золотую рыбку, такую маленькую и такую могущественную, тем меньше я видел все это – изображение становилось прозрачнее, меркло и наконец исчезло вовсе.

И снова я увидел залитую солнцем улицу большого южного города, моего старого друга, загорелого, полного сил и замыслов. Он шел чуть впереди, слегка оглядываясь на ходу, словно бы призывая подтянуться, не отставать, словно бы увлекая за собой людей слабых, не способных к порыву дерзкому и отчаянному, он хотел убедиться, что мы не отстали, что, как и прежде, идем за ним верно и сплоченной гурьбой.

С новогодней открытки, откуда-то из сияния, полыхающего вокруг золотой рыбки, вдруг возникли его напряженно смотрящие на меня глаза. До сих пор, сквозь годы и расстояния, он наблюдал за мной с улыбочивым вниманием, будто хотел увериться, что я веду себя подобающим образом, что не погнался за вещами недостойными и выгодами сиюминутными.

Да-да-да... Он любил жареное мясо, накрытый стол, вни-

мательных слушателей, волновался, если за столом оказывалась красивая девушка, и никогда не упускал случая напомнить о том, как он презирает стремление к выгоде. Именно это его почему-то всегда тревожило, хотя мы служили в каких-то захудалых конторах, и все наши выгоды заключались в худосочной зарплате и были расписаны на годы вперед. Моего лучшего друга постоянно беспокоила правильность путей, на которые мы вольно или невольно ступим. А Олежка от нас ушел... Да, он ушел первым.

И мы единодушно осудили его.

Вернее, осудил его мой лучший друг, заклеил такими страшными для нас в то время словами, как корыстолюбие и продажность. Кому проданся Олежка, сколько получил – эти вопросы не возникали. Вообще я заметил, что, вспоминая давние события, думаешь совсем не о том, что когда-то определяло твои поступки и решения. Происходит, наверно, то же самое, что с моей дочкой... Однажды, пристроившись за моим креслом, она часа два неотрывно смотрела по телевизору какой-то совершенно невероятный фильм – там гнались, стреляли, протыкали друг друга ножами, сбрасывали со скал, топтали лошадьми, душили, мяли и рвали на части. Когда же я обнаружил за спиной дочку, то, прокрутив в голове весь фильм, ужаснулся тому, что она увидела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.